

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

Наша страна в настоящее время признается одним из центров сабейстики, науки о древней Южной Аравии. Этим мы во многом обязаны А. Г. Лундину, опубликовавшему за последние пятнадцать лет большое число работ, значительно расширивших наши знания о различных эпохах истории государств юга Аравии.

Последняя работа А. Г. Лундина — «Государство мукаррибов Саба» — посвящена зарождению южноаравийской государственности, основным проблемам хронологии и социальной истории Сабейского государства, самого значительного и влиятельного из государств древней Аравии. Эта работа представляет большой интерес не только потому, что ее результаты выявляют прежде неизвестные науке основы построения одного из государств Древнего Востока, но и потому, что она рисует картину самостоятельного возникновения государства, без иноземных вмешательств и влияний, в результате естественного внутреннего развития прежних родоплеменных отношений. Книга будет полезна всем, кто интересуется проблемой происхождения классового общества и государства.

Материал, который приходится использовать сабейцам в исторических исследованиях, очень сложен. Он представлен исключительно надписями; и хотя их известно сейчас очень много, их историческая интерпретация вызывает большие затруднения. Надписи предельно стандартизированы, контекст дает мало указаний для понимания терминов, велик и временной диапазон распространения надписей. Поэтому простое прочтение и толкование отдельных текстов не всегда дает положительные результаты.

Для исследования раннего периода истории Саба', периода мукаррибов, А. Г. Лундин использует практически все сабейские надписи не только этой, но и более поздних эпох. Он исследует их комплексно, подвергая тонкому формальному анализу, сравнивая стандарты и отступления от стандартов. В результате такого подхода из лаконичных текстов, из списков имен и перечислений племен автору удается извлечь сведения об основах государственного строя Саба' в I тыс. до н. э. и об эволюции этих основ.

Ключом для расшифровки строения Сабейского государства А. Г. Лундин избрал систему эпонимата, которую он же впервые подробно изучил и объяснил. Для исследования этой системы он привлекает известные прежде надписи, «датированные по эпонимам», а также некоторые категории надписей, ранее с этим институтом не связывавшиеся. При этом особую роль играет впервые открытый А. Г. Лундиным среди материалов Э. Глазера список эпонимов из племени Халил. Расшифровка и интерпретация этого памятника, сохранившегося в виде разрозненных и очень плохих эстампажей, представила большие трудности, которые автор успешно преодолел.

Осветив в главе I основные источники для изучения эпонимата и доказав их связь с этим институтом, А. Г. Лундин далее переходит к выявлению системы сабейского эпонимата (гл. II). Исследуя упоминания об эпонимате в соседних государствах, анализируя формулы сабейских датировок по эпонимам и формулы списка эпонимов из Халил, автор приходит к выводу, что сабейский эпонимат строился на чередовании эпонимов из трех основных (эпонимных) племен Сабейского государства. Каждый эпоним правил семь лет и носил одно из «характерных» (эпонимных) имен. Выявляющуюся таким образом «систему череда» А. Г. Лундин считает одним из основных принципов действия сабейского государственного механизма на различных уровнях.

Система сабейского эпонимата использована далее автором для того, чтобы решить несколько основных вопросов сабейстики. Одним из них является хронология. А. Г. Лундин, исходя из имеющегося списка эпонимов из Халил и высчитав его примерный временной диапазон, предлагает новую дату зарождения сабейского государства и всей древнейшей цивилизации — рубеж I тыс. до н. э. (гл. III). Эта дата не совпадает с некоторыми другими датировками, основанными главным образом на палеографических данных и относящих зарождение Сабейского государства к более позднему времени. Однако хронология А. Г. Лундина находится в соответствии с библейской традицией, с ассирийскими надписями, с данными радиоуглеродного анализа дерева из нижних слоев столицы Катабана — Тимны.

Исходя из выведенных принципов сабейского эпонимата, автор реконструирует списки эпонимов для более позднего периода — для I, II и III вв. н. э. Хронологические данные этого списка совпали с хронологией этого периода, предложенной Ж. Рикмансом на основе анализа текстов надписей, и с хронологией Г. Виссмана, исходившего из комплексного исторического исследования эпохи. Совпадение трех хронологий, выведенных независимо друг от друга, является хорошим доказательством правильности метода и выводов автора.

В главе IV А. Г. Лундин использует тот же институт эпонимата для исследования государственного строя Саба' в I тыс. до н. э. Из надписей известно, что для этого времени характерны государственные должности эпонима, мукарриба и царя. Смысл этих должностей до последнего времени был выяснен лишь приблизительно. Автор выявляет сначала функции сабейских эпонимов, которых затем сравнивает с мукаррибами. В результате сравнения удается выяснить и функции мукаррибов. После этого функции мукаррибов сопоставляются с данными о сабейских царях, тем самым выявляется место царя в Сабейском государстве. Таким образом обнаруживается, что эпонимы, мукаррибы и цари — части единой государственной системы. Эпонимы и мукаррибы имели сходные по характеру, но различные по содержанию функции (сакральную, хозяйственную, политическую). Сакральная функция эпонимов была связана с астрономическими наблюдениями и с отправлением регулярных жреческих функций в храмах божества 'Астара. Сакральная функция мукаррибов была на порядок выше. Они связаны с особо значимыми культовыми церемониями, имевшими специальные названия («формула федерации», «формула ритуальной трапезы», «формула ритуальной охоты» и т. д.).

Хозяйственная функция эпонимов связана с наблюдением за орошением, размежеванием земель, соблюдением хозяйственного года. Хозяйственная функция мукаррибов главным образом выражалась в строительной деятельности. Политическая деятельность и тех и других пока еще плохо выяснена. Ясно только, что и эпонимы, и мукаррибы играли важную роль в общесабейском государственном аппарате, причем эпонимы одновременно были и представителями племенной администрации.

Функции мукарриба и царя, по мнению А. Г. Лундина, были сходны по объему, но различны по характеру. Царь был политическим главой государства (иногда временно), но он был полностью лишен сакральных функций. Иногда мукарриб принимал титул царя или же присваивал себе его прерогативы. Автор условно определяет власть царя как «законодательную», а мукарриба как «исполнительную» и указывает на некоторое сходство этих двух постов в Сабейском государстве с институтом «лугал» и «энси» в Шумере.

V глава рассматривает более глубокие основы построения Сабейского государства — его социальный строй в I тыс. до н. э. Анализируя формулы сабейских декретов RES 3951 и СИН 604, он выявляет структуру Совета

старейшин Саба', состоявшего из мукарриба (или царя) и представителей трех эпонимных (основных) и трех неэпонимных (второстепенных) племен. Результаты этого анализа позволяют уточнить имена некоторых эпонимных племен, которые ранее были известны только по своим правящим родам.

Как выясняется далее, состав Совета старейшин не полностью отражал внутреннее административное и территориальное деление государства. Существовало деление населения на «племена Совета», которые в свою очередь состояли из двух неравноправных групп, имели характерные для них божества, особые титулы вождей. Эта система сочеталась с делением государства на территориальные владения, «города», имевшие самоуправление, но в Совете старейшин не представленные. Видимо, в государстве мукаррибов Саба' существовало двойное подчинение жителей: каждый человек был членом племени и одновременно членом территориального объединения.

Рассматривая земельные отношения в Саба', А. Г. Лундин устанавливает, что основной формой земельной собственности в I тыс. до н. э. была форма племенная (общинная) как Сабейского государства (Союза племен), так и отдельных городов (территориальных общин). Параллельно с этим в надписях обнаруживается и процесс выделения частного землевладения.

В заключение А. Г. Лундин разбирает проблему происхождения и развития государственного строя Саба'. По его мнению, Сабейское государство — это союз двух групп племен, из которых одна (эпонимная) занимала главенствующее положение. Это объединение племен сохранило все свои институты в период образования и расцвета государства. Основой организации государства послужила «система череда», которая связана с племенным делением государства и с закономерным переходом государственных постов от одного племени к другому. Ее проявления — система эпонимата, структура Совета старейшин. «Система череда», по мнению автора, — отличительная черта южноарабского государства.

А. Г. Лундин считает, что зарождение Сабейского государства относится к II тыс. до н. э., к эпохе южноаравийской языковой общности, когда возник союз трех племен, почитавших верховным божеством 'Астара (бога эпонимных племен позднего времени). В XIII—XII вв. до н. э. этот союз слился с другим племенным союзом, который занял подчиненное положение. В результате этого слияния лунное божество второго союза племен — 'Алмаках — превратилось постепенно в национальное божество сабейцев. Это новое объединение сложилось к XI в. до н. э., тогда же в нем начинает складываться классовое общество и появляется государство. В VIII—VII вв. наблюдается развитие территориального деления государства, которое не совпадает с племенным, но с ним сочетается. Параллельно возрастает роль законодательной деятельности правителя (царя), и в III—II вв. до н. э. в руки царей переходит вся власть, что внесло крупные изменения в «систему череда». Постепенно эта система утратила свое значение, но еще долго сохранялась в виде института эпонимата.

Этой общей картиной развития сабейской государственности заканчивается работа А. Г. Лундина. Она начиналась с тщательного анализа одной группы памятников, благодаря которому далее удастся постепенно и последовательно привлекать новый материал, расширяющий диапазон исследования от выяснения системы эпонимата до анализа истории социального и государственного устройства государства мукаррибов Саба'.

Работа дает интересную реконструкцию развития государства в Южной Аравии, выявляет своеобразную его структуру (сочетание классового общества с племенными институтами). В книге разобраны основные элементы сабейского государственного механизма (эпонимат, мукаррибы,

цари, Совет старейшин). Книга А. Г. Лундина содержит также выводы, важные для решения проблем сабейской хронологии.

Уже отмечалось, что источники работы очень трудны для анализа. При нынешнем состоянии сабеистики некоторые детали могут быть различно истолкованы, при этом вероятность того или иного толкования бывает одинаковой. Многие термины очень туманны, поэтому отдельные выводы работы А. Г. Лундина, опубликованные в его предшествовавших статьях, вызвали оживленную дискуссию автора с американским сабестом А. Жаммом и с советским — Г. М. Бауэром. Полемике и с тем, и с другим в книге уделено большое внимание. Дискуссия еще не закончена, поэтому не имеет смысла останавливаться здесь на отдельных сомнительных моментах и недостатках книги А. Г. Лундина. Большинство из них отмечено его оппонентами. Действительно, в некоторых случаях аргументация А. Г. Лундина не кажется исчерпывающей, некоторые толкования и выводы гипотетичны. Большинство допущений автора подтверждается в ходе комплексного исследования, когда из отдельных фактов вырисовывается механизм Сабейского государства. Многие выводы автор проверяет двумя или тремя методами исследования, привлекает различные и разнохарактерные материалы. Выводы и оценки А. Г. Лундина совпадают с выводами других исследователей, параллельно с ним занимавшихся некоторыми проблемами, которых касается автор. А. Г. Лундин сам отмечает, что его работа — лишь первые шаги в исследовании сабейской государственной системы. Новые материалы наверняка приведут к пересмотру некоторых выводов и концепций, но основные характерные черты государства мукаррибов Саба' в книге А. Г. Лундина описаны достоверно и убедительно.

В заключение следует отметить, что выявленный для Сабейского государства принцип сочетания племенных институтов и государства представляет большой интерес для исследования другого государства, возникшего в Аравии, хотя и много позже, но в среде территориально и духовно близкой к Йемену, — арабского халифата. Характерной чертой первых веков развития этого мусульманского государства тоже является сочетание развитых племенных институтов с основами государственности. Это еще раз показывает, что значение книги А. Г. Лундина не ограничивается его вкладом в сабеистику. Она несомненно вызовет интерес у историков, советских и зарубежных.

М. Пиотровский.

Ч. Джумагулов. *Язык сиро-тюркских (несторинских) памятников Киргизии.* Фрунзе, 1971 (Академия наук Киргизской ССР. Отдел востоковедения), 161 с.

Сирийские и сиро-тюркские надгробные надписи, найденные на территории Киргизии в районах Пишпека, Токмака, Алмалыка и в ущелье Зууку, содержат ценный материал для изучения сирийской несторинской культуры, свидетельствуя о ее распространении в Средней Азии, а также для исследований в области тюркской диалектологии, обогатив науку новыми представлениями о фонетике, грамматике и лексике тюркских языков XIII—XIV вв.

Первые находки были сделаны в 1885 г. Ф. В. Поярковым и Н. Н. Пантусовым. В дальнейшем поисками, публикацией и истолкованием надписей занимались многие ученые, в том числе Д. А. Хвольсон, П. К. Коковцов,